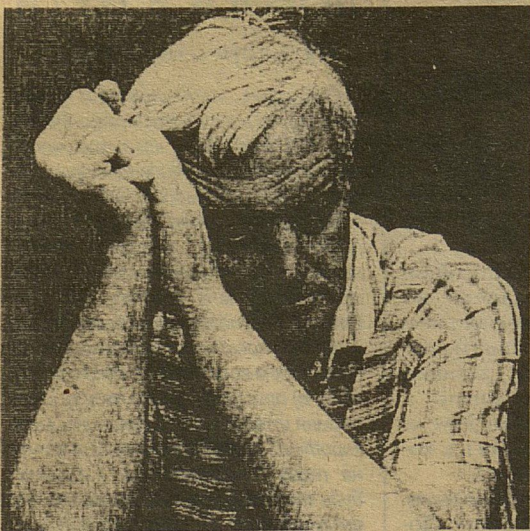

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВ: СИНТЕЗ ФИЛОЛОГИИ И МУЗЫКОВЕДЕНИЯ

«На развалинах обвалившегося здания культуры»

О книге А.В.Михайлова «Языки культуры. Учебное пособие по культурологии»

Александр Михайлов.

Десять лет прошло с тех пор, как статьи Александра Михайлова (1938-1995) стали достоянием широкой читающей публики.

Конечно, специалисты и «культургерманофилы» знали его и ранее — по переводам и комментариям трудов Канта и Шеллинга, Гумбольдта и Гуссерля. «Мировая ночь распространяет свой мрак. Эта эпоха определена тем, что остается внове Бог. Время мировой ночи — бедное, ибо все беднее. И это время сделало уже столь нищим, что неспособно различить нетость Бога». Нетость священных имен... Сегодня кажется, что перевести Хайдеггера иначе просто нельзя.

Тогда же, примерно десять лет назад, были опубликованы работы Михайлова о религиозном смысле и значении позднего Ницше. «Главного в том, чем он занят как ученый, он достигает как художник — как писатель-художник, со-мыслящий, со-переживающий вместе с прошлым его основные представления». Так не раз писал Михайлов о героях своих работ; эти слова верны и по отношению к нему самому.

Наша культура давно уже (перефразируем Бердяева) не «культура кого-то», она — «культура о ком-то». И это показатель не измельчания, но бесплодия, но — тонкого, изысканного вкуса, изящества и глубины. Быть нельзя — и культура, усвоившая после смерти Бога сокровенную мысль героев Достоевского, только сонно грезит о былом: о своем закате, а еще верней — о былых своих грездах.

Эпохи прочитаны автором сборника через языки их культур; прочтение это возможно, по Михайлову, лишь через перевод на язык собственной культуры. Так «выбирал» Средневековые изощренно-хитроумный Новалис, когда писал свою статью «Христианский мир, или Европа». Сказочно-мифический средневековый мир Европы, золотой век человеческого всеединства в изображении Новалиса (он знал, что все это не так) был иным для его времени, отрывавшегося от тысячелетней традиции культуры... Сказка долго вводила в заблуждение историков литературы, которые полагали, что Новалис именно это и думал о Средних веках... Такой подход реализован в книге на огромном конкретном материале. И это вконец обессмысливает традиционные «возражения» немецким культурфилософам: возможно ли, дескать, содержательно рассуждать о сущности замкнутых культур?

Вот еще пример михайловского подхода: свою лекцию «Ангел истории измучен» А.В. начал с анализа рисунка Клее «Angelus novus» и текста Вальтера Беньямина (мыслителя, входившего в группу интеллектуалов, близких Адорно). Вальтер Беньямин творчески в своей фантазии переработал этот рисунок... История идет в будущее, но Ангел Истории стоит спиной к этому будущему... Вся история есть катастрофа, которая началась с того момента, как Рай перестал существовать. И результатом своим история дает развалины... Но раз уж мы говорим о различных языках культуры, нам естественно было бы обратиться к другим представлениям о конце истории. Связь с представлениями Вальтера Беньямина обнаружится сама собой, нам не придется об этом заботиться... И связь эта — со Средневековьем, с древностью (особенно с Вавилоном) — зримо предстает перед читателем лекции.

Организм культуры для Михайлова един: музыка и скульптура, поэзия и жи-

вопись — выражения общего ритма и стиля. Что «думает» культура о человеке, то и выражает (чаще всего не теоретизирующий) художник.

«В музыке конца XIX и начала XX века был очень интересный период — очень период все более пристального вглядывания в индивидуальное переживание человека, который выразился в необыкновенном замедлении музыкального темпа. К 1910 году мы приходим — в одном из квартетов Макса Регера к предельно медленному темпу, ничего более медленного никогда написано не было. Это — крайняя попытка уподобления музыкального процесса тому, что, как предполагалось, происходит в душе человека. А потом — мировая война. И все это рушится. И в XX веке никто уже не верит в эту самоценность человеческой души. Не верит — в полном соответствии с тем, что творится вокруг нас».

Весь девятнадцатый столетие же «веществен», как приведенные нами рассуждения. «Чистая» культурфилософия (проецирование на реальность магии предчувствия, тирания воли над фактом) заменена у А.Михайлова анализом реальности и факта. И выводом из этого анализа. Точным. Трезвым. Грустным.

«История культуры рассталась со своими представлениями о том, что она есть прогресс... Мы с вами, когда проводим рассуждение, находимся на самых

как говорили раньше — передовых рубежах современного искусства. Это нам говорит о том, что современное искусство дошло до своих мыслимых краев. И никакого передового искусства уже быть теперь не может, потому что нельзя быть передовее... ну, пустоты, которая вдруг обнаружилась. Как цель. Дальше уже пойти невозможно».

том, чтобы развлекаться, а потому абсолютно невнимательны к тому, что их развлекает, — феномен из психологии любопытства нового времени, открытый еще Свифтом на острове Лапута. Сущность такого любопытства: спрашивать, но не слушать ответ».

«Это уже не «дистиллирование красоты из ужаса» (так оценил Михайлов

ток пострелигиозного нигилизма; иное нынче тысячелетие на дворе, иные проблемы и иные итоги.

«Можно много говорить о человеческом достоинстве, о развитии личности, об эстетическом воспитании и правах человека вообще. Об этом в XX веке сказано, наверно, больше, чем за все прошлые века, — но все это лишено всякой ценности и смысла.

Потому что культура в это не верит. Она не ставит человеческое существование ни в грош и говорит нам, что ценность человеческой личности равна нулю, если не меньше. Сколько было в свое время пустых разговоров, которые велись с такой серьезностью, но пустые разговоры и заканчиваться должны абсурдным результатом».

Таков вывод книги Михайлова, и как нам этому выводу возразить? Нравственным бормотанием глушить метафизическую очевидность? Отмахнуться пуританской прописью, самоуспокоенной скороговоркой общих, ни к чему не обязывающих фраз о добре и зле?

Впрочем, в многоголосье этой музыкально щедрой книги можно различить и нотки надежды: Михайлов и сам словно бы тщательно вслушивается в них. «Голос прекрасной, обреченной, но убежденной человечности» расслышал автор труда в культурно-исторической беллетристике Йохана Хейзинги.

Какой надежды и на что надежды? Это, пожалуй, и несущественно, важно другое: нота эта не исчезнет из христианской культуры до последних ее минут.

ВАЛЕРИЙ СЕНДЕРОВ

Москва

Он жил музыкой...

Александр Викторович Михайлов был так тесно связан с нами, музыкантами, был настолько своим человеком в Консерватории, в Гнесинском институте, что порой мы забывали, что он не музыкант. Он соединял в себе филолога, искусствоведа, музыковеда, философа... И дело не только в том, что Михайлов изучал историю культуры именно в таком неразрешимом единстве. Мне все-таки кажется, что в этом замечательном синтезе музыка играла особую роль.

Уже потом, после смерти Александра Викторовича, я узнала из воспоминаний его родителей, что он с детства учился музыке, игре на фортепиано, даже сочинял и мечтал стать музыкантом, а подростком изучал немецкий язык по клавирам Вагнера. Но и не зная этого, я никогда не сомневалась в том, что он буквально жил музыкой. Музыка была его подлинной страстью: Александр Викторович был постоянным посетителем концертов (чего не скажешь о мно-

гих музыкантах), во время своих многочисленных поездок за рубеж собрал уникальную фонотеку редких записей.

В апреле 1994 года мы вместе с Александром Викторовичем были на небольшом концерте, который сопровождал конференцию о романтизме в Гнесинском институте. Звучала четырехручная фантазия фа минор Шуберта. В какой-то момент я посмотрела на него: он сидел, закрыв глаза, и лицо у него было светлое и совершенное детское. Таким я его и помню.

Мне трудно вспомнить, когда и как началось наше сотрудничество, так как и музыканты нередко приходили в ИМЛИ (где Александр Викторович заведовал отделом теории литературы), и он постоянно бывал в Консерватории. Но формально началом этого, как я считаю, нового этапа в жизни Консерватории можно считать его первую лекцию в феврале 1991 года. Это был факультативный цикл, который назывался «Музыка глазами филолога» (потом были и

другие циклы: «Музыка в истории культуры», «История всеобщей литературы. Начало и конец европейской литературы», «О том, что в музыке»).

Михайлов стал инициатором и организатором первой совместной конференции филологов и музыковедов «Слово и музыка» (теперь это ежегодная конференция его памяти). Мне вообще кажется, что музыка как особый тип мышления и чувствования, как особый, не определяемый словами способ самовыражения, проходя через все работы А.Михайлова, дает возможность ему понимать, как бы изнутри, видеть многие процессы в культуре вообще.

В последний раз я видела Александра Викторовича за полтора часа до его кончины. Ему было трудно говорить, лицо очень осунулось, но он, как и раньше, был рад нашей встрече. Мы рассказывали ему о том, какой успех имел его заочный доклад на конференции о Веберне. Александр Викторович улыбался, глаза его светились какой-то невозможной, неземной радостью...

ЕВГЕНИЯ ЧИГАРЕВА

Москва

* * *

...«А теперь давайте прощаться», — сказал Александр Викторович, завершая нашу последнюю встречу, за несколько дней до кончины. Я знала, что конец придет скоро, но подлинный смысл этих слов открылся мне только после его смерти. Точно также сейчас, вспоминая о том, как он здоровался — на лестничной площадке около класса в консерватории, где в последние годы читал лекции, я понимаю, что когда Александр Викторович говорил «здравствуйте», то действительно желал здоровья, а не формально проговаривал условный знак приветствия.

Слово во всем мыслимом объеме

смыслов — вот что было для него и главным орудием собственной деятельности, и главной тайной бытия.

Когда Александр Викторович на занятиях в консерватории видел, как все присутствующие (что было вполне естественно!) больше хотят слушать его, чем высказываться сами, это глубоко огорчало его. Его живо интересовало чужое слово, он умел вслушаться в него и извлечь крупицу смысла или необходимого факта даже из совсем не близкой ему по духу работы.

Мир, который создавал вокруг себя Александр Викторович, гармоничный мир науки и искусства, музыки и слова, не был укрыт от реальной жизни. Она вторгалась в него постоянно, да и сам Александр Викторович, как мне кажется, отнюдь не представлял себя живущим в Касталии. В его мироощущении находило себе место трагическое начало, ему было ведомо чувство страха. Для нас же самым страшным было видеть его стремительное физическое угасание, сквозь которое еще ярче светилась сила духа и разума. Только сейчас стало понятно, как много он написал, сколько трудился этот человек, как глубоко он вникал во все, чем интересовался, и как далеко простирались его интересы.

Память об этом хранит его огромнейшая библиотека, собрание музыкальных записей, невероятное количество рукописей. Многие теперь готовятся к печати: скоро выйдет сборник его работ о музыке, предполагается издание собрания сочинений. Я надеюсь, что книги Михайлова дадут читателю возможность оживить языки культуры, проследить за их непрерывными токами, почувствовать себя частицей того бесконечного движения, которое тянется из глубины веков.

ЕКАТЕРИНА ЦАРЕВА

Москва

В МОСКВЕ

свежий номер «Русской мысли» всегда можно купить в букинистическом магазине «Остоженка» (ул. Остоженка, 53

у старого выхода из метро «Парк культуры»);

в магазинах «Книжная лавка 19 октября» (Казачий пер., 8),

«Мультимедиа» (ул. Николо-Ямская, бывш. Ульяновская, 1),

«Новелла» (Земляной вал, 486), «Эйдос» (Чистый пер., 6),

«Гилея» (ул. Знаменка, 10), в Литературном музее (ул. Петровка, 28),

в библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» (ул. Нижняя Радищевская, 2).

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВ